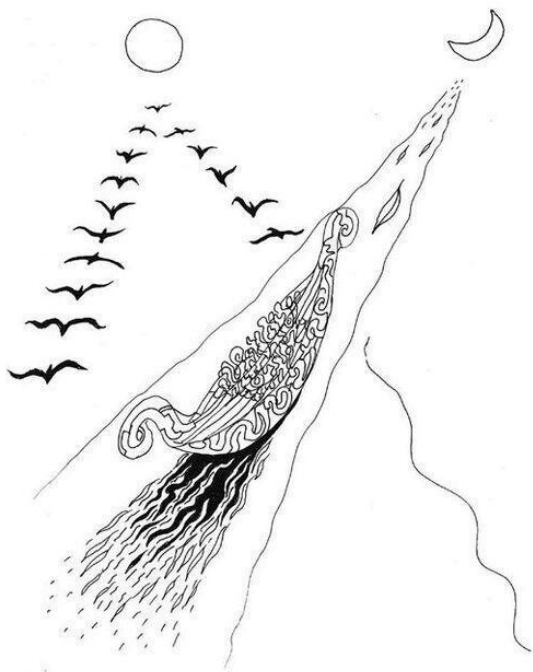

18+ Елена Толстова

Просто так...
или так просто

Елена Толстова
Просто так... или так просто.
Сборник рассказов

<https://litres.ru/74143112>

ISBN 9785006962965

Аннотация

«Так просто...» — назвала Елена Толстова сборник своих рассказов. На самом деле всё не так просто и за каждой историей скрывается глубокое философское размышление о бытии. О ком бы ни писал автор — о старушке, оставшейся в одиночестве, или о молодых романтиках, спасающихся от стаи волков, героев всех его рассказов объединяет главное: они всегда находят в себе силы не сдаваться и двигаться дальше. И, возможно, вы увидите в них что-то личное и подумаете: «Я тоже смогу».

Содержание

Предисловие	5
Воспоминания	8
То, что ты ищешь	8
Яблокопад	22
Встреча в поезде	31
Преодоление	35
Предчувствие нового дня (джезва)	35
Звездопад в степи	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Просто так...
или так просто
Сборник рассказов**

Елена Толстова

Редактор Елена Милиенко

Корректор Ольга Рыбина

Иллюстратор Яша Планер

© Елена Толстова, 2026

© Яша Планер, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-6296-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Рассказы Елены Толстой — отзвуки детских воспоминаний, память сердца, душевные отклики прошлого и настоящего, сказочного и реального в ускользающих моментах времени.

Эти истории существуют на пересечении личного и вечного.

В них звучат три голоса, которые переплетаются и создают особое пространство.

Библейский голос, говорящий о вечном, но таком хрупком.

В притче «Прости, что я...» звучит древний вопрос о вине и прощении.

Здесь каждый герой сталкивается со своим выбором, и этот выбор не всегда очевиден, но он становится точкой, в которой пересекаются судьбы и смыслы.

Фольклорные и мифические мотивы — это сакральный голос обрядовых традиций и детской непосредственности.

В рассказе «Да плыла, плыла лодочка...» девочка, глядя на смерть близкого человека, отказывается принять её, выбирает свет и жизнь. В образах лодки, реки, солнечных зайчиков отражается древняя архаическая память — о переходе, об ускользании, о том, что конец всегда соседствует с началом.

Голос русской литературной традиции звучит как переключка времени в рассказе «Яблокопад», где слышится дыхание Бунина и Тэффи, память о детстве, мелодия тишины, запахи земли, перепад времени между традициями и поколениями.

Образы, созданные классиками русской литературы, окликаются и вплетаются здесь в естественную ткань, из которой сотканы эти истории.

В каждом из этих рассказов свой узел. Иногда маленький, незаметный, почти прозрачный, как детское воспоминание. Иногда — плотный, тугой, оставляющий следы на пальцах, как боль или утрата. Они разные, но связаны между собой тонкими невидимыми нитями — памятью, ощущениями, запахами, голосами, солнечными пятнами на стене, движением воды, шёпотом дождя.

Рассказанные истории сочетают взгляд ребёнка и усталость взрослого, смех и страх, жизнь и смерть, обиду и прощение. Иногда кажется, что мы выбираем путь сами, но чаще путь выбирает нас: встреча, слово, случайный жест, забытая мелочь — и вдруг судьба делает поворот.

У читателя появляется возможность заглянуть в прошлое, которое никогда не бывает прошлым окончательно. Услышать собственное эхо в чужих историях. Может быть, узнать себя или найти ту ниточку, которая связала всё, что мы когда-то любили, боялись, теряли и обретали снова.

В этом сборнике — притчи, воспоминания, короткие рас-

сказы, и их объединяет главное: они ищут точку соприкосновения между личным опытом и универсальными смыслами. Они говорят о том, что важно для всех нас: как мы прощаем и не прощаем, как выбираем, кого любить и кому верить, как храним память, чтобы не потерять себя.

Ольга Болтова

Воспоминания

То, что ты ищешь

То, что ты ищешь, тоже ищет тебя...
Джалаладдин Руми

Рассказ посвящается книжным шкафам, любознательным детям и строгим бабушкам.

В комнате у бабушки, в просвете между двумя окнами, стоял дубовый книжный шкаф, такой огромный, как великан. Наверху шкафа находился деревянный глобус, он, словно лысая коричневая голова, торчал на могучих плечах грозного гиганта. Плечи шкафа охраняли две совы с хищными острыми клювами, внизу находились четыре львиные лапы. Шкаф одновременно и манил, и пугал Петю. Мальчик, зная, что шкаф смотрит на него, пытался побыстрее прошмыгнуть мимо бабушкиной комнаты. Иногда любопытство брало верх, и он с безопасного расстояния, из коридора, разглядывал фигурки людей на дверцах: на первой дверце дяденька-пастух пас овец, на средней — рыцарь угрожал пастуху мечом, а на третьей было самое страшное. От страха Петя зажмуривал глаза.

— Ба, а почему рыцарь валяется без головы, а маленький дяденька держит её в руках?

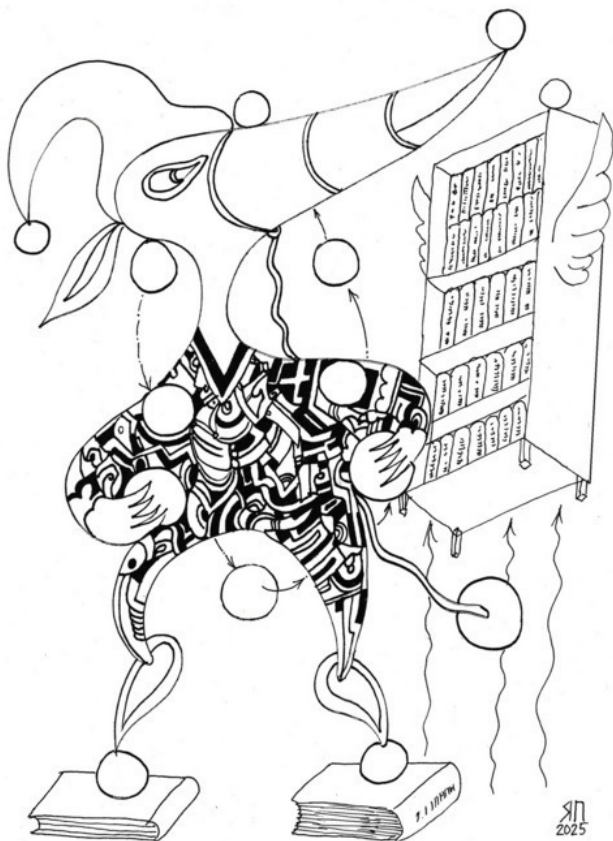
— Вот ты почемучка, завтра расскажу.

— Бааабушка, сегодня.

— Хорошо, только сразу спать, не подводи меня.

— Обещаю, не подведу.

— Это Давид, он держит голову Голиафа... это рассказ-иносказание из Библии.

И бабушка рассказала историю Давида и как он победил великана Голиафа.

— Бабушка, а что такое это, как его, сказание? (Бабушка вроде бы говорила по-русски, но иногда понять её было трудно).

— Иносказание — это когда у того, что рассказывается, есть другой смысл, его трудно рассмотреть, он скрыт.

— Мне страшно, ба, я боюсь шкаф и отрубленную голову.

— Ну вот, ты маленький и боишься шкафа, думаешь: шкаф грозный, большой, и барельефы на нем страшные. Но ты, как Давид, можешь перебороть свой страх, так сказать, «отрубить ему голову». Тогда твой страх будет побеждён и ты перестанешь бояться.

— Я должен отрубить шкафу глобус? И тогда не буду его бояться?

— Не в прямом смысле, Пётр, а в переносном... как будто. И не шкафу, а своему страху. И нечего шкафа бояться, он мудрый и сильный, в нем книги и знания. Когда станешь старше, я разрешу тебе брать с полки старинные книги.

— О! Это ещё долго ждать...

— К сожалению, недолго. Время промчится так быстро, что и не заметишь.

Пете не спалось, он лежал в кровати и думал о Давиде, о

том, какой он храбрый, хоть и росточком маленький; о том, как давно случилась эта история — много-много лет назад и в другой стране, но о ней до сих пор помнят... и в книжках написано, и картины есть, даже на дверце деревянного шкафа балер... барел... Нет, не так... забыл, завтра бабушку спрошу. Ещё он думал над словами бабушки, что Давид есть в каждом человеке и важно, сможешь ты победить трудности или нет... свои страхи, например. Представляешь, приходит к тебе страх в доспехах и говорит: «Я тебя сейчас погублю», а ты ему: «А я нисколько тебя не боюсь» и такой хрясь его мечом, а затем схватил его за волосы, и я герой — «победитель страха». Петя заснул счастливым с мыслью, что он героически победил страх шкафа.

Постепенно Петя подружился со шкафом, а когда подрос, с разрешения бабушки брал с полок книги и читал их, сидя в большом уютном кресле под торшером. Пете было приятно держать в руках старинные книги, в них была тайна и магия. Сначала он рассматривал картинки и схемы в энциклопедиях, затем начал читать статьи. Он даже научился читать на старом русском языке, когда ещё добавляли дополнительные буквы. И это было круто в его собственных глазах.

Теперь шкаф уже не казался Пете великаном, он был таинственным средневековым замком. Помимо глобуса, справа и слева от стеклянных дверей находились деревянные фи-

гурки сов, косящих одним глазом ниже, в середину шкафа, туда, где находились выдвижные ящики, в которых бабушка хранила письма и квитанции. Ещё ниже — полки, закрытые дверцами с барельефами на фасадах.

Бабушка не разрешала играть со шкафом, хотя иногда Пете хотелось спрятаться на нижних полках, там, где лежат альбомы с фотографиями, и рассматривать лица людей, которые жили когда-то, а когда, ему непонятно. Вот этот ушастый, в форме кондуктора, очень на него, Петьку, похож, наверное, родственник.

— Пётр, — говорила бабушка, — не шалите, пожалуйста. Здесь памятные старинные фотографии, вы можете их испортить.

Бабушка была строга с мальчиком, многое требовала от него, а ещё она никогда не сюсюкала с ним, как мама, а разговаривала как со взрослым, считала его личностью. Так и говорила ему:

— Пётр, вы уже взрослый!

Фотографии можно было смотреть только в присутствии бабушки, а также только при ней читать старинные книги. Но всё-таки Петя уже обследовал верх, покрутил глобус, и там вроде бы что-то звякнуло. Мальчик прислушался: внут-

ри шкафа работал какой-то механизм. Он обследовал весь шкаф: смотрел на него со стороны, простукивал полки и стенки. «Внутри точно есть клад, который я обязательно найду».

Подростком Петя заинтересовался, к какому веку относится шкаф, он казался ему очень древним. Шкаф всем своим видом манил Петю, ему казалось, что со шкафом связаны какие-то загадки и секреты, как в книжке про кортик и бронзовую птицу.

Как-то Петя рассматривал французский словарь и нашёл письмо, которое бабушка сразу же забрала, но Петя успел его прочесть. Там было что-то про секрет шкафа и про французский язык.

— Что это ты всё меня спрашиваешь, опять шкафом интересуешься? Это память, наша семейная реликвия. Во время войны всю мебель сожгли, на обогрев ушла, а вот шкаф остался, не тронули его. И отец говорил мне: «Доченька, береги шкаф, для внуков своих береги».

В детской библиотеке мальчик прочитал все книги о мебели, о книжных шкафах и механизмах. Книг было немного, и они не приблизили его к разгадке.

Несколько раз Петя ходил в Эрмитаж на экскурсии по старинной мебели. Там его познакомили с тайнами шкафов, письменных столов и секретеров. Экскурсоводы открывали потайные дверцы и заводили встроенные музыкальные механизмы. Петя спрашивал их про тайные хранения в шкафах.

В один из дней он познакомился и подружился с краснодеревщиком Анатолием. Анатолий провёл Петю по своей мастерской.

— Посмотри на этот стол, он из дуба. Декоративные элементы из бронзы, но самое интересное внутри, — Анатолий сделал значительную паузу, — потрясающие скрытые механизмы. Они работают спустя двести лет!

Петя слушал Анатолия и записывал части мебели, используемые для хранения: пустотелые ножки, двойное дно, особенные ключи, а самое интересное — сложные тайники. Анатолий разрешал нажимать кнопки, чтобы открывать потайные полки и заглядывать внутрь механизмов.

— Чаще всего мастер давал остроумные подсказки: мол, отгадайте мой ребус. Ищи подсказки, дружище!

Потихоньку от бабушки Петя изучал шкаф. Делал вид, что читает, а сам наблюдал, рисовал схемы, искал тайники.

— То было не заставить, а сейчас не остановишь — всё читает и читает, — не без гордости рассказывала бабушка соседке по площадке, — уже всего Брокгауза прочёл.

Как-то бабушка уехала на юбилей подруги в Мурманск, родители ушли на концерт, Петя сидел и смотрел на шкаф, казалось, что именно сегодня шкаф захочет поделиться своим секретом. При свете дня шкаф был отчётливо виден, Петя рассмотрел все детали и гравировки; затем всё стало растворяться в сумеречном свете, и совсем позже только тёмная глыба высилась у стены. Замок, средневековый замок! Петя уже только угадывал детали: наверху глобус, по бокам совы, внизу сцены из Библии, а за ними полки.

И вдруг шкаф подмигнул. Ещё раз.

— Не может быть, — подумал Петя. Он боялся спугнуть. Кого? Чего? При свете луны шкаф ожил и подмигивал мальчику.

Петя задержал дыхание, он почувствовал, что вот-вот, прямо сейчас, откроется тайна, что разгадка клада рядом. Сердце стучало на всю комнату и отдавало в висках. Раньше он думал, что механизм находится в деревянном глобусе, в центральной части шкафа. Петя замер, шкаф опять подмигнул ему. «Это сова, с той стороны находится сова», — вско-

чил от радости Петя. «Механизм находится в сове!» Но в это время вернулись родители и отправили его спать.

Ночью Петя не мог уснуть, его волновала близость к разгадке. Ему сейчас же хотелось пробраться в бабушкину комнату и осмотреть сову. От дум он уснул, и ему приснилось, что он нажимает на глаз совы и тогда открывается потайной ящик, откуда на Петю сыпятся золотые монеты, старинные бриллианты и, может быть, какой-то пропавший алмаз типа голубого карбункула.

Утром Петя притворился больным, но отец, работавший врачом, не нашёл никаких признаков болезни:

— Вы, Пётр, симулянт и манипулятор.

Пришлось идти в школу и нехотя отсидеть все шесть уроков. На уроках Петя не слушал, рисовал в тетради сову и то, где, возможно, находится тайник. А если мне все это почудилось? Ну и что, что сова блеснула глазом? Он мчался домой, не разбирая дороги, так, что чуть не сбил с ног старушку.

— Нестётся, как угорелый.

— Простите, бабуля.

Так и есть, у совы в глазу есть механизм, он звенит, когда на него нажимаешь. У Пети задрожали руки, он нажал на глаз, и ещё раз нажал. Ничего не произошло. «Может, нажать

и повернуть?» Нажал и повернул — опять ничего. «Может быть, нажать посильнее? Таааак, надо сесть и успокоиться, а то уже не соображаю и перед глазами пелена».

Он плюхнулся в кресло, отдышался и стал вспоминать. «Лунный свет упал на глаз той совы, что справа. А вторая сова? Левая сова! Ну конечно, я смотрел на правую и не обратил внимание на ту, что слева. Кверху шкаф сужается, поэтому, если встану на стул, то смогу дотянуться до сов двумя руками».

Петя дотянулся руками до совиных глаз, одновременно нажал на зрочки и немного повернул. Что-то щёлкнуло в середине шкафа, выехала деревянная дощечка и упёрлась ему в колени. От неожиданности Петя чуть не свалился со стула. Он бегал по квартире, смеялся и подпрыгивал от счастья.

Тайничок был маленьким, очень узким, его трудно было заметить, просто деревянная реечка, которая соединяла верхний отсек шкафа со средним. Петя был очень горд, что он раскрыл тайну шкафа, но огорчён тем, что клад оказался таким маленьким. В тайнике было несколько писем и старинные монеты. Петя взял письмо, написанное по-русски:

«Если ты нашёл это письмо, значит, ты любознательный и, как и я, смог проникнуть в тайну этого шкафа. Меня зовут Петя, я родился в Санкт-Петербурге в 1901 году, сей-

час это город Петроград. Мне 13 лет. Я нашёл этот тайник, и больше о нём никто не знает. Тайник придумал французский мальчик, сын мастера, который сделал этот шкаф... Я выучил французский язык, чтобы прочитать его письмо».

— Бабушка, пойдём я тебе покажу что-то очень важное...

— Не успела приехать, а уже какой-то кавардак.

— Ты только не волнуйся, бабушка...

Бабушка читала письмо и плакала, перечитывала его, рассматривала монеты. Пробежала глазами небольшую записку, видимо, написанную в спешке корявыми буквами, прижала её к сердцу.

— Отец приехал в начале блокады, он маме тогда оставил монеты старинные, целую горсть. Бабушка, его мама, спросила: «Пётр, откуда деньги?», — он отшутился, мол, клад нашёл. А вон оно как, нашёл подростком и никому об этом не сказал. Мы эти монеты потом на муку и хлеб меняли, тем и живы остались. Папу тогда видела в последний раз, так и числится до сих пор без вести пропавшим.

Бабушка повернулась к Пете и сказала:

— Я горжусь тобой, Пётр. Недаром тебя в честь прадеда назвали. Ты смелый, умный и любознательный.

Пётр Алексеевич подошёл к шкафу прощаться. Он ещё раз оглядел барельефы и инкрустации, дотронулся до рельефных фигурок на нижних дверцах, провёл рукой по книжным полкам, в последний раз открыл все потайные ящички, внимательно осмотрел глобус, заглянул в глаза совам, погладил массивные львиные лапы. «Прощай дружище! Видишь, как сложилось... старый фонд расселяют, нам дают новые квартиры, тебе не будет места в новом доме».

— Долгие проводы — лишние слёзы, — Пётр Алексеевич вспомнил бабушкину присказку.

— Осторожно, не повредите механизмы, — он наблюдал за разбором шкафа: из-за массивности древесины тот был таким неподъёмным, что пришлось разобрать его на три части.

— Знаем, — обиделся самый молодой из грузчиков, — никак в музее работаем.

— Передайте Анатолию Сергеевичу, что я приду помочь с реставрацией.

— Так это ты был тем пацаном, который клад нашёл? Толянч рассказывал, что хитрый механизм разгадал.

Мастер записывал в накладную: «XIX век, Французский

Ренессанс с элементами Готики. Два стекла имеют трещины, есть потёртости и временные царапины, снизу средняя дверь вылетает из креплений». Пётр Алексеевич показал мастеру скрытые выдвижные механизмы, и тот зарисовал их и тщательно записал.

— Не переживайте. Старинная мебель, да ещё такая громоздкая, имеет ценность только в музеях. После экспертизы подлатают, ещё долго «дед» проживёт.

Яблокопад

An die Musik: Du holde Kunst.
Franz Schubert. An die Musik

— Развели тут... понимаешь ли. Раньше не было такого бардака и запустения. Хлам вокруг валяется, а хорошие вещи в дом пора убрать. На веранде прибрать. Холодно уже по ночам становится. Я-то сама уже ничего не могу — немощная стала, старая. Такая же, как и мои выцветшие воспоминания... Тут помню, тут не помню. И поговорить-то не с кем — вот, сама с собой беседую.

— Вот давеча яблоки падали всю ночь... Падали и падали — срывались с веток. Никто их больше не подбирает, так и валяются опавшие. Никому ничего не нужно.

Яблоки!

Яблоки падают!

Яблокопад!

— Яблоки морщинятся и гниют на земле. Всю ночь уснуть не могла, вспоминала нашу прошлую жизнь.

— А раньше-то, раньше... Всем гуртом собирали яблоки,

и падалицу тоже подбирали: мятые части срезали, а хорошие сушили. Вся веранда была в яблоках, полные ведра антоновки, китайки и аниса. На столе и на табуретках тазы с вареньем — одни остывали, а другие очереди своей ждали. Отец бражку делал. А уж сколько сушили для компотов, в бочках мочили и варенье варили...

Яблоки!

Яблоки падают!

Яблокопад!

— Утром, когда солнце проникало на веранду сквозь ветви деревьев и заливало её янтарным светом, веранда становилась сокровищницей, стояли банки с вареньем на любой вкус: вот рубиновое — яблоки с брусникой, вот джем, это — с грецким орехом, а это обычное яблочное. А какой свежий аромат от яблок, особенно от антоновки! Антоновка долго лежит, почти всю осень и зимой тоже: яблоки зелёные, крепкие и с кислинкой.

Яблоки!

Яблоки падают!

Яблокопад!

— Год тогда был яблочный. Ах, как было весело! Везде яблоки. Вся веранда в яблоках. Кухонной плиты не хватало,

удлинитель протянули из дома на веранду. Отец притащил маленькую одноконфорочную плиту, и варенье варили прямо здесь, на веранде. Яблочный запах стоял — закачаешься!

Я. ПААЕР
2025

— Кто там писал музыку под яблочный запах... Шопен или Шуберт? Память стала никудышная. Шопен! Он вроде бы вдохновлялся запахом гниющих яблок. Да-да. Вспомнила. Это был Шиллер. Любил работать, вдыхая аммиачный запах, даже в письменном столе гнилые яблоки держал для вдохновения. Ещё что-то помню... по ассоциации. Ш-ш-ш-ш — шуршание листьев под ногами, шёпот переворачиваемых страниц.

Яблоки!

Яблоки падают!

Яблокопад!

— К чему я про музыку-то вспомнила? Опять забыла... не помню уже...

А, да. Болек всё лето и осень Шопена и Шуберта на пианино играла. Она вообще талантливая была: играла и пела хорошо. Помню, разучивала Шуберта «К музыке», что-то не получалось у неё. За границей теперь живёт, стала известной пианисткой. А тогда всё лето на даче проводили, отец специально пианино для неё привёз. Вон — в зале стоит, рассохшееся.

— Раньше сидели на веранде, чай пили, или, как тогда говорили, гоняли. Было модно чай из самовара пить — шик,

ретро. Откуда-то отец притащил ведёрный электрический самовар, в нём кипятили воду; а когда самовар начинал гудеть, «петь», на конфорку-корону чайник заварной ставили. Для аромата в заварку добавляли мяту, зверобой и чабрец! Ах, какой чай был вкусный и душистый! Шарлотку по-быстрому почти каждый день пекли. А то и пироги с яблоками заводили: с утра дрожжевое тесто ставили подходить. Пётр, отец семейства, говаривал, мол, повезло мне, три девки в семье. Жена и две дочери — все хозяйственные, шустрые, частенько баловали отца пирогами.

Яблоки!

Яблоки падают!

Яблокопад!

— Один из таких дней мне особенно запомнился. Как я была счастлива в тот день! Это был день моего рождения. Из города приехали гости, вместе весело собирали яблоки, пили чай с пирогами и фотографировались. На машине приехал фотограф с камерой и штативом — для «семейной фотографии». К его приезду готовились, надели платья, причесались. Фотограф много шутил, собрал всех вместе для композиции. Встали. Ждали, когда птичка вылетит.

— Сейчас вылетит птичка, — предупредил фотограф.

— Птичка вылетела... и-и-и... улетела... так и жизнь про-

летела, как одно мгновение.

— А я красавица была — все мною восхищались и разглядывали: стройная, с чёткими чертами и блеском. Это сейчас я старая, выцветшая и скрюченная. И память в последнее время подводит: многих, кто на фотографии, уже не помню — стёрлись, выцвели.

Воспоминания: веранда, яблоки, Шопен, Шуберт...

— Что-то ещё помню...

Яблоки!

Яблоки падают!

Яблокопад!

— Сейчас молодёжь, ничего святого — прыг-скок, щёлк-щёлк своими айфонами. Однодневки. Вон, идут, наследнички. Одеты как бездомные, патлатые и с татуировками. Не понятно, где парень, а где девица. Тьфу! Прадеды-то с иголки были одеты. А бабки в каких платьях щеголяли! Косы туго заплетены, в косах ленты. Лёлек и Болек — две сестрёнки. Днём-то они вечно в бриджах и ковбойках бегали, чтобы на деревья удобнее залезать, но когда фотографировались, то лучшую одежду надевали. Да! Событие было.

— Эй, вы! Я здесь! Здесь! На столе! Не проходите мимо! Ура, кажется, заметили!

— Смотри! Какая фотография старая... выцветшая вся... в центре люди ещё видны, а по бокам уже нет.

— А они ничего такие, хорошие, глазастые. Всё-таки зря я молодёжь ругала. И руки у них нежные и тёплые — родные.

— Ух ты, вот так сюрприз! Это же семейная фотка, в центре мой прадед Пётр с прабабушкой Анной. А это моя бабушка Оля и её сестра Болеслава.

— Где? Покажи!

— Вот... девчонки в центре стоят... Остальных я не знаю, гости, наверное. Может, родственники.

— Фотка какая старая. Ей лет сорок, наверное.

— Думаю, уже шестьдесят! Бабушкам здесь лет по двенадцать — смешные такие. Их в детстве дразнили Лёлек и Болек. Бабушка стала известной художницей, а Болеслава — пианисткой в симфоническом оркестре Сан-Франциско играла до пенсии. Бабушка сейчас у неё гостит в Калифорнии.

— Шестьдесят лет назад — это так много. Красивые, нарядные, а кого-то уже и в живых нет.

— Надо фотографию в дом занести... отсыреет на веранде: ночи-то становятся холодными.

* * *

— Мне здесь очень нравится! Здорово, что мы сбежали сюда: сад прекрасный, и дом, и веранда.

— Давно я здесь не был. А какой свежий и пряный воздух! И прикольно — виды красивые.

— Яблок-то как много! Под ногами валяются... Давай соберём и варенье сварим.

— Надо собрать те, которые крепкие. Бабушка звонила, волновалась, чтобы убрали всё с веранды, сад почистили и яблок набрали на варенье. Пойдём в дом, печку затопим, а то холодно уже — конец августа всё-таки.

Яблоки!

Яблоки падают!

Яблоки с веток срываются и падают!

Встреча в поезде (Бабушка)

Поезд глухо стучал колёсами, и этот ритм, ровный и глубокий, связывал нас, незнакомых, тонкой нитью дороги.

За окном смазывался пейзаж: зелёные полосы леса, искры от шпал, узнаваемые лица городов и редких станций на пути из Северной Каролины в Нью-Йорк.

Я слушала её. Чёрная богиня в сатиновом берете, с длинными золотыми серьгами и изумрудными вставками, с усталостью доброй пантеры и мелодичным смехом.

Она сидела наискосок от меня, свет из окна скользил по её коже, и я видела её руки, словно выточенные из эбонита, изящные, заключённые в широкие браслеты дорогого золота. Длинные пальцы, острые ногти с золотым лаком. Мне нравилось в ней всё, её благородный возраст, её задумчивость и её внутренняя сила.

На её голове чёрный блестящий боннет.

Я похвалила:

— Красивый. Вам очень идёт.

Она задумалась на какое-то время, смотрела в окно, разглядывая мелькающие деревья, затем ответила красивым грудным голосом, кругло выговаривая слова:

— Я смеялась над бабушкой, что она всё время в тюрбане. А бабушка с усмешкой отвечала: «Подожди-подожди, придёт время, ещё вспомнишь меня». И вот пришло время. Я сама теперь в боннете, в платках.

Поезд втянулся в тоннель, и на мгновение стало темно, только её серьги вспыхивали зелёными искрами.

Я улыбнулась в темноте. И вдруг внутри ожила моя бабушка. Маленькая, чёрненькая, востроносенькая, как птичка, в белом платочке. Русская дворянка привела девочку из паломничества в Иерусалим. Никто не знал, кто она по крови, думали, турчанка (история моей семьи потеряла этот след). Ей было пять. Её называли Анной.

Поезд ритмично бился в рельсы, я вдруг почувствовала, как колёса катят память вглубь меня самой.

Мне тоже было пять, когда она умерла. Мы почти не успели познакомиться. Но она во мне.

Помню, как она баловалась, читая нам про Дениску, передразнивала все голоса и всех персонажей: «сыски», «фыфыки», «хыхки» — а мы с братом хохотали до слёз.

Или когда я говорила ей, что она несовременная, в своём

несуразном платочке, а она отвечала:

— Погоди-погоди... придёт время...

Я не ношу платков, но я ношу её в себе, лице, в памяти о её руках, в тёмных посеребрённых прядях и в этой странной смеси греческой и иранской крови, что всплыла в тесте ДНК.

Я не ношу платков. Я ношу её терпеливость. Её смешливость.

И понимаю, что пришло моё время узнавать в себе мою бабушку.

Преодоление

Предчувствие нового дня (джезва)

Раньше, когда она сбегала вниз по лестнице, мелькали её голые коленки. Она спешила, не успевала.

— Ну вот опять...

Снова кофейная гуща вырвалась наружу и разлилась по плите.

На весь дом — запах горелого кофе.

Но как весело, как живо!

— Ура, ура, ура...

Я люблю такие утра, наполненные её энергией, радостью, любовью к жизни.

Вот она берёт чашки и идёт в сад. Кажется, выбрала японский фарфор с зелёными драконами. Это значит, сегодня разговоры о Японии: о сакуре, которую в этом году снова пропустили, о планах поехать осенью, потому что она любит осень, хоть и говорит, что грустит в это время.

Меланхолия...

В последний раз с друзьями она обсуждала «Дневник эфемерной жизни», японской писательницы X века.

Я вдохновилась тогда, и у меня родились строки, похожие на хайку:

Из жерла джезвы
Кофеизвержение —
Эротика утра.

Не судите строго, я ещё учусь. У меня ведь много времени для наблюдений.

Вот она задумалась, смотрит на полёт ястреба в небе, на кусты кизила у пруда. Потом открывает блокнот — тот, старый, потёртый, с обожжёнными страницами, который напоминает древнюю книгу, — и начинает писать. Блокноты у неё всюду: кожаные зелёные — турецкие, красные с резными узорами. Недавно появился этот коричневый, весь потрёпанный временем.

Но в последнее время она изменилась. Больше не бегаёт по лестнице. Стоит рядом с плитой, следит, чтобы кофе не сбежал. Иногда, задумавшись, капнет чем-то солёным. Не вижу, неужели плачет? Стала больше пить кофе, меньше пи-

шет в блокнот. Сидит молча и смотрит непонятно куда.

На кухне переживают чашки в кобальтовую сетку — говорят, что они все в слезах.

А ещё странная причуда — бросает в джезву мелко нарезанный чеснок. Говорит, что так кофе становится изысканным и деликатным. По мне, он воняет чесноком, а вид у него — словно в него кто-то зубы набросал — бррррр.

Я, конечно, люблю, когда она экспериментирует.

Помню мексиканский кофе с корицей и апельсиновыми корочками — аромат был, словно праздник. Или острый кофе с кайенским перцем, от которого по утрам плитку отмывали по три раза. Вот это были жаркие денёчки.

А я? Я — медная джезва ручной работы с восточным орнаментом, на три-четыре маленькие чашечки. Я просто хочу сделать её счастливой.

Недавно приходил айти-специалист чинить компьютер. После они долго разговаривали, потом пили кофе в саду. Когда он ушёл, она запела.

Вот и славно.

А я написала новое хайку:

Горьковато-сладкий
Востока аромат вдыхаю —
Предчувствие нового дня.

Чувствую, что скоро аромат кофе снова смешается с её весёлым голосом и вернёт ей радость. А я буду ждать утра, как всегда, и совершенствоваться в написании хайку.

Звездопад в степи

Марина с Корнеем добирались автостопом, в Спаске остановили грузовик до Рязани. Шофёр обрадовался ночным попутчикам — можно поговорить, отвлечься от сонливой усталости дороги.

— Жена? — кивнул шофёр в сторону Марины.

— Просто подруга, — уставший Корней был немногословен.

— Понятно, — протянул водитель Серёга, так он представился ребятам.

Ехали долго, вначале пути Корней рассказал любопытному и весёлому водителю историю их путешествия. Рассказал про друга, загремевшего в армию, о том, что Юрку могут забрать в Афган, что его там сразу могут убить, потому что он маменькин сынок, путает право-лево и, вообще, дохляк. Юркиной матери предложили дать взятку начальству учебки в Стерлитамаке, чтобы отмазать. Вот ребята и возили коньяк, икру и ещё деньгами. Взятку собирали родственники и друзья. После учебки Юрку пообещали отправить поближе к дому, в Выборгскую воинскую часть. Серёга слушал, ел семечки, чтобы не заснуть, и сплёвывал шелуху прямо на пол салона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.